

Глава 9. Улыбка застыла

Получив сообщение, Лян Бинь не стал терять ни минуты. Впереди него шествовал администратор, прокладывая дорогу сквозь толпу, а позади двигалась вереница официантов с подносами, уставленными изысканным алкоголем. Он, элегантный и одетый с иголки, вошел в Зал Пионов и направился напрямик к старейшине Яню.

— Старейшина, поздравляю от всей души! С юбилеем вас!

Старик Янь вежливо кивнул. Отец Янь поднялся со своего места, чтобы пожать гостю руку.

— Председатель Лян, какими судьбами? Не ожидали вас здесь увидеть.

— Ну что вы, брат Янь, к чему эти церемонии? — улыбнулся Лян Бинь. — Я прослышал, что сегодня достопочтенному старейшине Яню исполняется семьдесят лет, и просто не мог не зайти. Позвольте преподнести эти скромные подарки к праздничному столу. Надеюсь, придутся вам по вкусу.

С этими словами Лян Бинь жестом указал на бутылки, которые официанты держали перед гостями. Помимо превосходных французских вин из элитных виноделен гран крю, на подносах красовались две бутылки коллекционного Пятизвездочного Маотая пятьдесят восьмого года выпуска. Этот сорт по праву величали императором среди китайских алкогольных напитков: на аукционах цена за одну такую бутылку порой доходила до астрономических трех миллионов юаней.

— Председатель Лян, это... слишком щедрый подарок! — растерялся отец Янь.

Семья Янь поддерживала с семейством Лян лишь шапочное знакомство, а потому принимать столь дорогое подношение им было неловко.

Однако Лян Бинь лишь добродушно рассмеялся:

— Старейшина, не поймите меня превратно. Французское вино — это наш скромный подарок от меня и моего отца в знак глубочайшего уважения. Желаем вам крепкого здоровья и долгих счастливых лет жизни. А вот эти две бутылки Маотая — презент от господина Гу. К сожалению, господину Гу пришлось уйти по срочным делам, поэтому он поручил мне передать их вам лично.

Яни недоуменно переглянулись.

«Господин Гу?»

В голову тут же пришли имена Гу Чжанхуна и Лу Чжаньяна. Но даже если те решили задобрить их и загладить вину перед Гу Сюем, выкатывать две бутылки раритетного Маотая пятьдесят восьмого года казалось невиданным, прямо-таки абсурдным расточительством.

Тем временем Лян Бинь, убедившись, что в точности исполнил наказ отца, выпил предложенный бокал вина, произнес еще несколько теплых тостов и вежливо откланялся.

Повисла ошеломленная тишина. Гости еще долго разглядывали драгоценный алкоголь, пораженные столь широким жестом. Молчание затянулось, пока наконец в зале не раздался чей-то язвительный голос:

— Послушайте, а этот «господин Гу», о котором говорил председатель Лян... уж не нашего ли любезного Гу Сюя он имел в виду?

Не успело эхо затихнуть, как зал буквально взорвался грохотом издевательского смеха.

— Да вы с ума сошли! Чтобы этот нищий неудачник сделал такой царский подарок? Не смешите!

— Он если даже конуру свою заложит, ему и на пробку от этого Маотая не хватит!

— Да если эти бутылки действительно от него, я готов сожрать одну прямо здесь, без закуски!

Под этот глумливый гул старик Янь многозначительно взглянул на сына. Отец Янь негромко кашлянул, призывая собравшихся к порядку. Он распорядился откупорить французское вино и разлить его по бокалам гостей. Что же касается бесценного Маотая пятьдесят восьмого года, то одну бутылку бережно убрали в семейные закрома, а вторую решили открыть здесь же — но разделить исключительно в узком кругу близких родственников и почетных гостей.

Никто и не подумал возмущаться. Раритетный Маотай такой выдержки — вещь практически музейная. Простому человеку за всю жизнь даже понюхать его не доведется, так что вполне естественно, что столь драгоценную влагу могли вкусить лишь хозяева торжества да самые уважаемые приглашенные.

Осушив бокалы, старик Янь устремил горящий взгляд на Оу Циюаня.

— Сяо Оу, — заговорил юбиляр вкрадчиво, — есть у меня к тебе одна скромная, быть может, несколько дерзкая просьба. Только уговор: чур, над стариком не насмехаться!

Оу Циюань сразу смекнул, куда клонит хитрый дед. Очевидно, тот положил глаз на его монету «Сюаньбао периода Сяньтун».

— Ну что вы, старейшина, — с улыбкой отозвался он. — Я весь внимание, говорите!

— Что ж, тогда воспользуюсь своим почтенным возрастом, — довольно прищурился старик Янь. — Завтра открывается моя персональная выставка, которую организовал Минли. Главным украшением экспозиции должен стать Свиток «После снегопада в ясный день», преподнесенный Сяо Цзяном. Но мне все кажется, что одной картины маловато для настоящего триумфа. Вес, понимаешь ли, не тот. Не согласишься ли ты, Сяо Оу, одолжить мне на время свою уникальную монету? Она бы невероятно украсила выставку и придала ей истинного блеска.

— Ну... даже не знаю, — замялся Оу Циюань.

Сомнения были вполне оправданны. Как-никак, вещь обошлась ему в пятьдесят миллионов юаней. Если на выставке с ней что-то случится, ущерб будет невосполним.

— Да ты не переживай! — тут же заверил его старик Янь, заметив колебания собеседника. — Минли специально нанял первоклассных специалистов по безопасности из-за границы. Комар носа не подточит, ручаюсь!

Оу Циюань на секунду задумался, и в его голове созрел определенный план.

— Наши семьи связывает многолетняя дружба, — уважительно произнес он. — Раз уж вы устраиваете такое важное мероприятие, я, как представитель младшего поколения, просто обязан внести свой скромный вклад. Хорошо, я согласен. Но поскольку этот раритет стоит баснословных денег, прошу вас прислать завтра за ним человека, которому вы доверяете как самому себе.

Разумеется, старик Янь даже не подозревал, какие мысли крутятся в голове молодого гендиректора.

«Если бы за монетой прислали Гу Сю... это было бы просто идеально».

Оу Циюань втайне лелеял эту надежду.

Получив согласие, старик Янь расплылся в такой широкой улыбке, что прищурился.

— Вот и славно! Договорились! Завтра спозаранку я отправлю к тебе Минли. Он лично заберет монету и доставит ее прямо в выставочный зал.

— Отлично, — выдавил Оу Циюань.

Он тут же перестал улыбаться. Меньше всего на свете ему хотелось видеть на своем пороге

долговязого Янь Минли.

Тем временем Гу Сю, покинув стены Отеля «Золотая искренность», не успел отойти далеко, как на его телефон пришло сообщение от Лян Лижэня.

«Мастер Гу, это Лян Лижэнь. Я только что преподнес семье Янь две бутылки коллекционного вина от вашего имени. Они были просто счастливы!»

Гу Сю лишь покачал головой от столь бесцеремонного самоуправства.

«Лян Лижэнь? От моего имени?»

«Мне не нужны подобные услуги», — коротко набрал он в ответ.

Лян Лижэнь ответил незамедлительно, так и брызжа подобострастным благоговением:

«Что вы, мастер Гу, не извольте беспокоиться! Подарок старику Яню — это лишь малая доля моего почтения к вам. Я ни в коем случае не навязываюсь и не прошу ответных одолжений!»

«Ясно».

Отправив лаконичное сообщение, Гу Сю поймал такси и поехал обратно в Жилой комплекс «Изумрудный платан».

За те десять тысяч юаней, что ему перепали от Янь Минли, Гу Сю заказал в интернете редкие травы. Доставка пришла вовремя. Из этого сырья он планировал приготовить три разных состава: Снадобье Очищения Костного Мозга — для себя, Снадобье Продления Жизни — в подарок тетушке Цуй, которая всегда по-матерински заботилась о нем, и Снадобье Питания Первозданной Энергии — для той девушки, которая без колебаний рассталась с бесценной монетой ради спасения своей больной собаки. Это должно было стать честным обменом.

Слухи о том, что Янь Минли организует для деда выставку его личной коллекции древностей, ходили уже недели две. Неудивительно, что в день юбилея многие гости преподнесли старику дорогие антикварные редкости. Самым роскошным подарком поначалу считался Свиток «После снегопада в ясный день», преподнесенный Сяо Цзяном, однако главным экспонатом выставки суждено было стать именно монете «Сюаньбао периода Сяньтун», которую с таким трудом удалось выпросить у Оу Циюаня.

Весть об этом мгновенно разлетелась в кругах искусствоведов. Знаменитые коллекционеры, которые прежде и не подумали бы почтить своим присутствием рядовую семейную выставку, теперь спешно съезжались на машинах со всех концов города, горя желанием воочию узреть легендарное сокровище.

Два часа до начала выставки

Янь Минли, привыкший нежиться в постели минимум до десяти утра, сегодня по настоянию деда восстал в нечеловеческую рань. В шесть часов он уже сидел за рулем, сонный и разбитый, направляясь к дому Оу Циюаня за монетой. Глаза его слипались, мысли витали далеко, и когда он наконец очнулся от полудремы, то с удивлением обнаружил, что его машина стоит у ворот Жилого комплекса «Изумрудный платан».

— Тьфу ты... — зевнул он, потирая ноющие виски.

И вдруг он заметил знакомый силуэт на обочине дороги. Это был Гу Сю. Одетый в легкий спортивный костюм, он спокойно совершал утреннюю пробежку вдоль ограды жилого комплекса.

Янь Минли тут же распахнул дверцу, выскочил наружу и преградил ему путь:

— О, как удачно! Ну-ка притормози, у меня к тебе дело!

— Что за дело? — остановился Гу Сю.

Янь Минли выглядел так, словно готов был рухнуть на асфальт и уснуть прямо здесь. Вспомнив, что этот чудак недавно без лишних слов одолжил ему десять тысяч, Гу Сю решил проявить терпение и выслушать бедолагу.

— Гу Сю, я за всю свою сознательную жизнь впервые встал в пять утра! Понимаешь? В пять! — запричитал Янь Минли тоном глубоко оскорбленного человека. — Я сейчас просто за рулем отключусь. Садись на мое место, повезешь меня.

— Куда ехать-то?

— В Сад Изумрудной Весны, к Оу Циюаню на виллу. Надо забрать монету!

— Ладно.

Гу Сю пожал плечами. Он помог впаавшему в прострацию парню занять пассажирское сиденье, заботливо пристегнул его ремнем безопасности, после чего устроился за рулем и мягко тронул машину с места.

Поскольку визита Гу Сю никто не ожидал, Оу Циюаня дома не оказалось. Их встретил его секретарь и по совместительству любовник Шао Цинъи. Гостям даже не пришлось ничего объяснять: Шао Цинъи сразу же вынес небольшой бронированный кейс с монетой и с величайшей осторожностью передал его им в руки.

— Прошу вас, будьте предельно аккуратны, — напутствовал он.

— Обижаете, все сделаем в лучшем виде, — пробормотал Янь Минли, забирая кейс.

Они вежливо пригубили по чашке предложенного чая, после чего Шао Цинъи проводил их к выходу. На его лице сияла безупречно любезная улыбка — ни капли смущения, которое обычно возникает, когда сталкиваются бывшая и нынешняя пассии одного и того же человека.

Гу Сю не удержался от любопытства:

— Скажи... ты ведь знаешь, какие отношения связывали меня с господином Оу?

— Разумеется, знаю, — мягко ответил Шао Цинъи.

— И как ты к этому относишься?

— Ровным счетом никак, — пожал плечами секретарь. — Какая разница, сколько у него увлечений на стороне? Я знаю главное: в конце концов он все равно возвращается ко мне. И пока это так, мне абсолютно безразлично, с кем он проводит время.

— А если он приведет кого-то прямо в ваш дом?

— Я готовлю для них легкий ужин и положу на тумбочку презервативы, — вежливо улыбнулся Шао Цинъи. — Я прекрасно знаю правила этой игры и умею держать марку.

Гу Сю промолчал. Подобная «высота духа» казалась ему запредельной дикостью, постичь которую он не смог бы и за десять жизней. Да и не имел ни малейшего желания.

Зато сонный Янь Минли тут же оживился и менторским тоном поучительно заметил:

— Вот погляди на Сяо Шао! Какая чуткость, какое понимание жизни! А от тебя никакого толку — за что ни возьмешься, все прахом. Даже с работы умудрился вылететь!

— Если Гу Сю ищет новые возможности, я могу пристроить его личным помощником к нашему шефу, — великодушно предложил Шао Цинъи. — Диплом там не требуется, достаточно предъявить медицинскую книжку.

От этой заботы за версту разило тошнотворным высокомерием. Гу Сю укрепился в мысли, что психология этого человека, готового растоптать собственное достоинство в угоду богатому покровителю, ему чужда на глубинном уровне.

— Спасибо, обойдусь. Я пока не планирую наниматься на работу, — отрезал он.

Лица его собеседников тут же синхронно скисли. Янь Минли недовольно фыркнул.

— Надо же, какой вы гордый, Гу Сю, — со снисходительной усмешкой обронил Шао Цинъи. — Теперь понятно, почему наш генеральный до сих пор не может вас забыть.

Гу Сю проигнорировал выпад. Он молча завел мотор и повез Янь Минли обратно в центр города.

К тому моменту, когда они добрались до выставочного комплекса, толпа нумизматов уже плотным кольцом обступила застекленный стенд, предназначенный для вожаемого экспоната. Все ждали только его.

Время шло, а монеты все не было. Атмосфера накалялась, лица собравшихся становились все мрачнее. Больше всех изнывал от нетерпения сам старик Янь. Ему представился редкий шанс блеснуть перед ведущими коллекционерами страны, но из-за непутевого внука он теперь стоял под перекрестным огнем недоуменных и скептических взглядов. Внутри у бедного юбиляра все так и кипело от злости.

— Отец, не кипятись, — шепотом успокаивал его сын. — Минли, скорее всего, просто застрял в утренней пробке. Давай подождем еще немного.

— Чего ждать?! За это время состариться можно! — взвился старейшина Янь, мечась по залу как на иголках.

Среди нетерпеливых коллекционеров тоже поползли недовольные шепотки:

— Старик Янь, совесть имей! Мы сюда спозаранку притащились ради твоей монеты «Сюаньбао периода Сяньтун», а витрина пустая!

— Да уж, Янь, ты точно ее раздобыл? Или просто решил нас разыграть?

— Вот-вот! Эта монета — величайшая редкость, одна из пятидесяти драгоценных древних монет. В нашем городе такая есть разве что у председателя Фэна. Если у Оу Циюаня действительно нашелся оригинал, он бы первым делом понес его к уважаемому председателю на экспертизу. Что-то тут нечисто.

— Терпение, господа, только терпение! Сейчас все будет! — старик Янь заискивающе улыбался, стирая холодный пот со лба.

Но гул возмущения нарастал с каждой секундой, грозя перерасти в открытый скандал, как вдруг двери распахнулись.

— Несу! Доставил! Вот она, монета! — задыхаясь, прокричал Янь Минли и победно поднял над головой заветный кейс.

<http://bllate.org/book/18173/1752503>